

Вера АРНГОЛЬД

ОРЕНБУРГСКАЯ СИРЕНЬ

Вера Викторовна Арнгольд родилась в Орске. Окончила факультет журналистики Уральского государственного университета. Работала в областных газетах и журналах, пресс-службе городской администрации, православной прессе. Поэт, режиссёр и продюсер нескольких художественных и документальных фильмов. Лауреат ряда журналистских премий, национальной экологической премии «Берестяной свиток», обладатель первого приза в номинации «Indifilm» (Испания), «Бронзового Реми» (США). Живёт в Оренбурге.

Пасха в Москве 2022

В Чистый четверг поутру
Господь намывает Москву:
Красную ветку метро,
 синюю линию рек;
Водит мочалкой по улицам:
МКАД, Люберцы, Люблино.
Пишет мелком на асфальте:
 сердце, Луганск, имярек.

Плачут в пруду огари, сылет
 пригоршнями дождь,
Сцепка трамваев гремит,
 пахнет в окно куличом,
Бог недоволен людьми
 и наматает на ось
Всё, что сказать не пришлось,
 мысли почти ни о чём.

Снова в России бабьё будет
 в подушки рыдать
От одиночества — да,
 от нерождённых детей;
Выбор достойных мужчин:
 в смерти стыда не имать,
Грудью закроют страну
 от миллиона смертей.

Плачет во Чистый четверг
в храме на службе свеча,
Моет дождём и мечом
страшную жатву Господь,
В красное небо глядит
синий от моря Очаков,
Дети Донбасса готовы
пасхальные яйца колоть.

Любить сильней. Из ледяных
оков
Под снегом сон-трава в лесу
до срока,
И спит на ветке белая сорока,
И звон идёт от сорок сороков.
А в ледяной слюде блестит
слеза,
И завтра, может быть, ещё
не поздно
Нам говорить с тобой,
что эти звёзды —
На рушнике небесном образа.
В Москве неспящей свет
изжёлта-сер,
Трамвайный круг закончился
под утро,
И с минарета непривычно суры
Разносятся в округе
буквой «р».
Разбужен старый ржавый
метроном,
Качает город и стучит устало,
И носит ветер обалдевших галок,
И дышит свежим хлебом
«Гастроном».
А ты идёшь, ссутулившись
слегка,
От солнца блеск необычайно
ярок,
И на лице твоём, совсем
не старом,
В глазах, как отраженьё, —
облака.

Охотно веришь: всё вернётся
вновь,
Под синим небом дверь в весну
открыта.
А счастье сеет в золотое сито
И веру, и надежду, и любовь.

Вечернее

Замолчи, сверчок, не нужно
звона!
Спрятался куда-то под кровать...
В небе накрошили поролона
Синие чернила промокать.
Что с того, что ты поёшь
сердечно,
В мятный запах окунув фальцет?
Мне известно, что любовь
не вечна,
И не нужно истин, если нет.
Плакать ли о том, что
он хороший,
Бить ладонью горько по столу?
Летняя трава стоит нескошенной,
Ветром завивается в юлу.
Дочь ветров — печалиться
не стану,
Слёзы сохнут, поцелуй горит.
У реки-асфальта автобана
Жизнь ночная, уличный зенит.
Не приедешь, поезда не ходят,
Нет угля, замёрзли провода?
У тебя не сердце, а просодия,
У меня — горячая звезда.
Только говори, а не молчи!
У стихов — не слоги, а лучи.

Где тени линуют асфальт
на квадраты,
А город в неоне тоскует
по звёздам,

Родная степь, бескрайность
кочевая!
Тебя вдыхая, расправляешь
плечи,
Сильней становишься, мудрей
и чище.
Летает ангел, тает бесконечность.

Пушкин в Оренбурге

Этот город, за ставнями
прячущий взгляд,
Разлинованный улицами,
фонарями,
Здесь цикады ночами военный
наряд
Отдают пересохшими голосами.
И луна на плацу, млечным
дымом дыша,
Равнодушно считает кресты
на погосте,
И летит нерасчётливо чья-то
душа
Сквозь Форштадт в запоздалые
гости.
Старый город согрел свои кости
жарой,
Словно чахлый казах в рваных
складках халата.
Над пиалой фонтана густой
мошкаррой
Брызги в радуге красной заката.
И цейнгауз щетинится битым
стеклом,
На безлюбии выцветшем камнем
белёсым,
Здесь никто не привык
перекрикивать гром,
Волочить за ковыльные косы.
Над приезжим поэтом, не смея
дышать,
Реют нежные музы из шёлка
и стали,

И польною, и мятой застелют
кровать
Над пружинами цвета потали.
И всю ночь, тепловозные слыша
свистки
У густой тишины, холодящей
до дрожи,
Будет пришлый поэт, сдёрнув
перстень с руки,
Ощущать город содранной
кожей.

Оренбургская сирень

Холодная сирень дрожит
у пальцев,
Пойдём со мною в ночь сирень
ломать?
Мы, словно дети, — вечные
скитальцы,
Намерены отказываться спать.

Привычная смешливая затея —
Смотреть, как тень растёт
из-за спины,
И майский ветер надо мною веет,
И тихо веют сладостные сны.

Но их не слушать и войти,
как Врубель,
В лиловый сумрак и цветущий
мрак,
Где шелест, запах — сердце
приголубят,
Дрожащим холодом вцеловывая
знак,

Четыре-шестипаловый цветочный,
Счастливый, несчастливый —
всё равно.
Смотри, как грозди распустились
ночью,
Заглядывая к нам через окно.

Смотри, как дождь раскрыл свои
ладони,
Блестит в его глазах неона свет.
И цвет сирени в них бессмертно
тонет,
Как королевский праздничный
корвет.

И в этом душном запахе
лилейном,
Лиловом, белом, розовом,
в сирень
Уткнуть лицо в слезах
благоговейных,
Молясь весне, встречая новый
день.

Разлив на Урале

Пока всё голо, куцые деревья,
Остатки снега. И чуть-чуть
тепла.
Земля во влажной скомканной
паневе
Лежит русалкой в крошечке
стекла.

Река бездонна, явно сумасшедше
Вертящая внутри, на быстрине,
Огромных льдин куски и день
ушедший
И топящая всё это на дне.

На берегу из-под руки,
прищурясь,
В коричневый немой водоворот
Глядит старик и быстро, нервно
курит,
Упрямо сжав корявый дымный
рот.

И безраздельна синь, и чёрной
точкой,

В ушах звенящей, сердце —
на кулак,
Песнь жаворонка —
неба одиночки,
Пронзившая последний зимний
мрак.

Орск

Старый мой дом, как останки
корвета,
Тает в туманной дали,
Не разглядеть золотистого света,
Не ощутить той любви.
Можно напрячься, не сразу
услышишь

Гул дорогих голосов,
Ровной дороги шуршанье
покрышек,
Рёв сталеплавных котлов,
Звонких трамвайных полос
цокотанье,

Шорох иссохшей листвы,
Или рояля ночное рыданье,
Или молчанье травы.
Можно накручивать кольца
спирали,

С папой идти в Первомай,
Но ожидает билет на вокзале,
Едет на Никель трамвай...
На подоконнике каменном —
крошки,

Дворик травую зарос,
Как я любила тебя,
мой хороший,
Пятиэтажный «колосс»!
Где-то у сердца и в памяти
детской

Клятва навечно жива:
Родина, город, немного
немецкий,
Трубы, дороги, слова.